РАЗДЕЛ I. ФИЛОСОФИЯ

Ломако Л.Л., Мальцев К.Г.

«Друг-враг» в политике: К. Шмит и Ф.Р. Анкерсмит

*Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова
(Россия, Белгород)*

doi:10.18411/spc-01-11-2019-01

idsp: sciencepublic-01-11-2019-01

К. Шмитт считал конститутивным для политики различием различие «друг – враг» [1, с. 15], и все политические «понятия, представления и слова имеют полемический смысл; они предполагают конкретную противоположность, привязаны к конкретной ситуации, последнее следствие которой есть (находящее выражение в войне или революции) разделение на группы «друг/враг», и они становятся пустой и призрачной абстракцией, если этой ситуации больше нет. Такие слова, как правовое государство, абсолютизм, диктатура, план, нейтральное государство или тотальное государство и т.д. непонятны, если неизвестно кто конкретно должен быть поражен, побежден, подвергнут отрицанию и отвергнут посредством именно такого слова» [8, с. 305-306].

Современное государство как репрезентативное государство [7, с. 227], в этом Шмитт следует Гоббсу, основывается на страхе (отношение друг-враг его предполагает: каждый в естественном состоянии абсолютно свободен в отношении каждого другого, это называется войной всех против всех) и предоставляет безопасность в обмен на свободу (у Гоббса – абсолютно [5]; но предмет договора может быть определен и не в «абсолютных терминах», с чем Гоббс бы не согласился, как с невозможной непоследовательностью): «Почему же люди соглашаются на власть другого? В одних случаях основанием тому служит доверие, в других – страх, иногда – надежда, порой – отчаяние. Но они всегда нуждаются в защите и защиты этой ищут у власти. Если идти от человека, связь защиты и повиновения остается единственным объяснением власти. Кто не имеет власти защитить кого-либо, не имеет также права требовать от него повиновения. И наоборот: кто ищет защиты и принимает защиту, тот не имеет права отказаться от повиновения» [8, с. 418]. Итак, «государство есть определенный статус народа, причем статус политического единства. Государственная форма есть особый вид этого единства. Субъект любого понятийного определения государства есть народ. Государство есть состояние, причем состояние народа» [10, с. 46]. Народ может быть дееспособен вследствие своей непосредственной природной данности, «в силу сильной и осознанной однородности, вследствие устойчивых природных границ» [10, с. 46]. Но такое положение исключительно, и скорее представляет собой лишь абстракцию. В действительности же, «политическое единство народа как таковое никогда не может быть наличным в реальном тождестве, и, следовательно, оно всегда должно репрезентироваться людьми персонально» [10, с. 46] и «все различия подлинных государственных форм, какого бы рода они ни были – монархия, аристократия и демократия, монархия и республика, монархия и демократия и т.п., – могут быть сведены к этому решающему противоречию тождества и репрезентации» [10, с. 46]: «В действительности политической жизни также не существует государства, способного отказаться от всех структурных элементов принципа тождества, как и нет государства, способного отказаться от всех структурных элементов принципа репрезентации. Даже там, где предпринимается попытка безусловно реализовать абсолютное тождество, неизбежными остаются элементы и методы репрезентации, и наоборот, никакая репрезентация невозможна без

представлений о тождестве. Обе эти возможности, тождество и репрезентация, не исключают друг друга, но являются двумя разнонаправленными ориентирами для конкретного формирования политического единства. Какой бы из них не перевешивал в любом государстве, все же они оба имеют отношение к политическому существованию народа» [10, с. 46-47]. Задачей государства является гарантировать безопасность [8 с. 321], то есть, прежде всего, обеспечить порядок и, в критических ситуациях, провести различие «друга/врага» внутри; в зависимости от масштабов и исхода кризиса такое различие манифестирует гражданскую войну (революцию) или объявление вне закона лиц и групп, опознанных сувереном как враги. Относительно врагов не действует обычное право (вообще, враг, как и друг, по Шмитту, понятия экзистенциальные); обозначением для таких врагов сейчас чаще всего является слово «террорист». Ситуация может осложниться вмешательством извне на стороне таких «опознанных как врагов» (одним из первых об этом заговорил Р. Арон, описывая гражданскую войну в Алжире), и тогда победитель в гражданской войне может оказаться национальным героем и революционером. Квалификация, таким образом, определяется ситуативно, для каждого конкретного случая.

Здесь следует обратить внимание на важнейшее отличие Шмитта от Анкерсмита: конститутивный для политики разрыв, который опознается и тем и другим, различно ими интерпретируется. Для Шмитта – это онтологический и экзистенциальный разрыв «друг-враг»; для Анкерсмита этот разрыв тоже «онтологичен», но интерпретируется им эстетически (нельзя игнорировать онтологию искусства, но это иная, чем у Шмитта, онтология). Там, где у Шмитта экзистенциальная вражда и война, у Анкерсмита – место для компромисса и дискуссия (кстати, Шмитт эту возможность видел). Вот как видит это Анкерсмит: «Шмитт, возводя этот по существу эстетический разрыв на уровень метафизического принципа, доходит до абсурдной мысли, что этот эстетический разрыв есть свойство самой реальности» [4, с. 157]. Именно здесь, по Анкерсмицу, «мы должны видеть ключевое различие между метафизической политической теорией, основанной на разорванности политического мира, и эстетической или практической политической теорией, которая просто видит здесь главный вызов для всякой содержательной политической теории» [4, с. 157]; «Шмитт видел в перспективизме основание политического действия, а плюрализм видит в перспективизме основание политической науки, поэтому как позицию Шмитта, так и плюрализм следует отличать от позиции Макиавелли, согласно которой перспективизм свойственен самому политическому действию» [3, с. 268]. Вопрос не в том, чья позиция лучше аргументирована; вопрос в том, какое решение мы принимаем (политическое решение относительно разрыва, можно сказать и так). В этом отношении Шмитт, нам представляется, безусловно сильнее Анкерсмита, так как такое решение – это именно экзистенциальное решение (которое, по Шмитту, лежит в основе экзистенциальной оппозиции «друг-враг»). Эстетизация возможна до того момента, когда индивид, по Шмитту, принужден (а не свободен) принимать решение. В этом отношении, теория Анкерсмита, будучи хорошим инструментом перевода войны в дискуссию и компромисс, ограничена необходимостью экзистенциального решения.

1. Агамбен, Дж. Номос sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011. 256 с.
2. Агамбен, Дж. Номос sacer. Что остается после Освенцима. М.: Европа, 2012. 192 с.
3. Анкерсмит Ф.Р. Политическая репрезентация. М.: Издательский дом Государственного университета - Высшей школы экономики, 2012. 288 с.
4. Анкерсмит Ф.Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М.: Издательский дом Государственного университета - Высшей школы экономики, 2014. 432 с.
5. Гоббс, Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. /Т. Гоббс/ Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М.: Мысль, 1991. 731 с.

6. Шмитт, К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма / К. Шмитт / Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 93-170.
 7. Шмитт, К. Легальность и легитимность /К. Шмитт/ Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 171-279.
 8. Шмитт, К. Понятие политического /К. Шмитт/ Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 280-408.
 9. Шмитт, К. Теория партизана. М.: Праксис, 2007. 301 с.
 10. Шмитт, К. Учение о конституции /К. Шмитт/ Государство и политическая форма. М.: Изд. Дом. ГУ ВШЭ, 2010. С. 33-236.
-